

УДК 811.112.2'367.3

Куценко Надежда Владимировна
кандидат филологических наук
г. Минск, Беларусь
Белорусский государственный
университет иностранных языков
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

Nadzeja Vladimirovna Kutsenka
Candidate of Philological Sciences
Minsk, Belarus
Belarusian State University
of Foreign Languages
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ УГРОЗЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются средства различных языковых уровней при выражении угрозы в немецком языке, а также способы их взаимодействия. Для реализации угрозы используются различные структуры: придаточные условия, формы с глаголом в настоящем и будущем времени, вопросительные структуры различных типов, конструкции с наречием *sonst*, описательные структуры, а также форма кондиционалис. Средства синтаксического, лексико-грамматического и лексического уровней вступают в гармоничные и контрастивные отношения с целью создания эмоционального эффекта и оказания давления на собеседника. Говорящий формирует речевой акт угрозы различной степени эксплицитности с учетом социальных характеристик партнеров по коммуникации и обстоятельств общения.

Ключевые слова: речевой акт; контрастивное взаимодействие средств; гармоничное взаимодействие средств; экспликация; конвенциональные средства.

INTERACTION OF LANGUAGE UNITS IN EXPRESSING A THREAT IN GERMAN

The article analyzes the linguistic means of various language levels in the expression of a threat in German, as well as their interaction. Various structures are used to implement a threat: subordinate clauses, structures with a verb in the present and future tense, interrogative structures of various types, constructions with the adverb *sonst*, descriptive structures, and the conditionalis form. The means of the syntactic, lexical-grammatical, and lexical levels enter into harmonious and contrastive relations in order to create an emotional effect and exert pressure on the interlocutor. The speaker forms a speech act of a threat of varying degrees of explicitness, taking into account the social characteristics of the communication partners and the parameters of the communication situation.

Key words: speech act; contrastive interaction of means; harmonious interaction of means; explication; conventional means.

Угроза представляет собой сложный речевой акт, включающий скрытое побуждение высокой степени настоятельности и негативные последствия в случае отказа его выполнить. Дж. Сёрль рассматривал угрозу как сочетание директивного и комиссивного речевых актов [1, с. 182]. Отличительной чертой такого речевого акта является наличие конфликтной ситуации, оказание существенного психологического воздействия на собеседника [2, с. 94]. Говорящий формирует угрозу различной степени эксплицитности, учитывая статусные характеристики коммуникантов и ситуацию общения [3, с. 48]. Исследователи

отмечают, что в языке существуют определенные клишированные языковые единицы, конвенционально используемые для реализации данного намерения [4, с. 24].

Интерес представляет описание взаимодействия языковых средств различных уровней при реализации речевого акта угрозы в немецком языке. Материалом для исследования послужили 96 высказываний с семантикой угрозы, отобранные из немецкоязычной художественной литературы XX–XXI веков.

Рассмотрение практического материала показывает, что для реализации интенции угрозы используются повествовательные (78 %) и вопросительные (22 %) конструкции. Простые повествовательные предложения реализуются достаточно редко (9 % случаев). В подавляющем большинстве случаев (92 %) это конструкции, эксплицирующие негативные последствия с глаголами в форме настоящего и будущего времени, и лишь незначительное количество представлено описательной конструкцией *Ich an deiner Stelle* (6 %) и структурами с формой кондиционалис (2 %).

Простые повествовательные структуры часто являются частью сложного речевого акта, состоящего из нескольких высказываний, одно из которых имеет характер комиссива и эксплицирует негативные последствия отказа выполнить побуждение, например:

Ich will nicht, dass ihr noch mehr Regeln brecht. Sie erwischen euch wieder und wir kriegen noch mehr Ärger. [Remin, S. 143] ‘Я не хочу, чтобы вы еще нарушали правила. Они снова вас поймают, и у нас будет еще больше неприятностей.’

Фиксируя опасность, говорящий стремится внушить собеседнику тревогу и убедить его изменить решение. Угроза в данном случае является проявлением собственной обеспокоенности, заботы о собеседнике, но, с другой стороны, в высказывании содержится достаточно жесткое требование не нарушать правила. Простое повествовательное предложение *Sie erwischen euch wieder und wir kriegen noch mehr Ärger* дополняет предшествующее высказывание и усиливает его директивную семантику, т.е. наблюдается гармоничное взаимодействие языковых средств.

Достаточно часто в таких структурах глагол имеет форму футурум, что подчеркивает направленность в будущее, например:

Noch so eine Nachtwanderung und ich werde persönlich dafür sorgen, dass du von der Schule verwiesen wirst. [Remin, S. 89] ‘Еще одна такая ночная прогулка, и я лично позабочусь о том, чтобы тебя исключили из школы.’

Обещание принять меры усиливает требование, имплицитно присутствующее в конструкции *Noch so eine Nachtwanderung* ‘Еще одна такая ночная прогулка’ и позволяет точнее выразить условие и директивный компонент, т.е. в данном примере наблюдается гармоничное взаимодействие языковых единиц. Полной логической структурой, скрытой в данном высказывании, является *Wenn du noch so eine Nachtwanderung machst...* ‘Если ты еще совершишь такую ночную прогулку....’, за которой имплицитно следует побуждение: не совер-

шай ночные прогулки. Лексема *persönlich* ‘лично’ показывает желание говорящего проконтролировать выполнение побуждения.

Среди простых повествовательных предложений можно выделить описательную конструкцию *Ich an deiner Stelle* ‘Я бы на твоём месте’, представляющую возможный вариант поведения, однако в определенном контексте являющую собой угрозу, например:

Ich an deiner Stelle würde mich vorsehen. Wenn du nicht ein wenig höflicher bist, wird es dir genauso ergehen wie deinem Freund. Der wusste auch nicht, was gut für ihn war. [Kleinst, S. 54] ‘Я бы на твоём месте был осмотрительней. Если ты не будешь немного вежливей, с тобой случится то же самое, что с твоим другом. Он тоже не знал, что для него хорошо.’

Глагол *sich vorsehen* ‘остерегаться, быть осторожной’ свидетельствует о наличии опасности. Говорящий проецирует действие на себя, однако направленность речи на собеседника и лексическое значение языковых единиц свидетельствует о директивном намерении. Вежливая форма конструкции *Ich an deiner Stelle würde mich vorsehen* противоречит семантике лексических единиц в последующих высказываниях, что свидетельствует об их контрастивных отношениях.

Изредка в простых предложениях с семантикой угрозы встречается форма кондиционалис, например:

Du musst weggehen. Ich würde ungern Hunde auf dich hetzen. [Kleinst, S. 45] ‘Ты должен уйти. Я бы не хотела спускать на тебя собак’.

В примере наблюдается отношение контраста между вежливой формой высказывания и наличием угрожающих действий по отношению к собеседнику. Это свидетельствует о состоянии глубоко переживаемых эмоций – обиды, гнева, раздражения, нежелания больше общаться.

Среди повествовательных структур самым распространенным средством реализации угрозы (91 %) являются сложные повествовательные предложения. Они ранжируются на придаточные условные предложения с *wenn* (79 %), с наречием *sonst* (13 %), а также придаточные дополнительные с *dass* (8 %).

Придаточные условия являются конвенциональным, клишированным средством реализации угрозы, так как определяют действия, невыполнение которых может повлечь за собой наказание или негативные последствия, например:

Wenn du das noch mal sagst, werde ich einfach weggehen [Kleinst, S. 254] ‘Если ты еще раз это скажешь, я просто уйду.’

В придаточном предложении условия говорящий эксплицирует действие, которое является нежелательным и может спровоцировать негативную реакцию говорящего. Для усиления эмоционального воздействия нередко используются лексемы *noch mal* ‘еще раз’ или их вариации *mal*, *noch einmal*, а также *wieder* ‘снова’. Во второй части предложения конвенциональным является использование комиссива – речевого акта обещания. При эксплицировании угрозы комиссив имеет свою специфику – он предполагает реализацию негативных санкций. В данном примере фиксируется угроза не очень высокой степени настоя-

тельности, так как общение происходит между коммуникантами равного статуса в обыденной ситуации. Смягчению настоятельности способствует наречие *einfach* 'просто', которое используется при непринужденном характере общения. Данная структура является примером гармоничного взаимодействия языковых средств, так как комиссивная часть предложения усиливает настоятельность директивного потенциала условного придаточного.

Клишированным средством выражения угрозы в исследуемом материале является структура с наречием *sonst* 'иначе', например:

Es ist besser, Sie kommen selbst, sonst bekommen Sie Ihr Geld nie.“
[Remarque, S. 37] 'Будет лучше, если Вы придете сами, иначе Вы никогда не получите свои деньги.'

Наречие *sonst* является лексическим средством выражения угрозы в сложном предложении, которое подчеркивает наличие решения с нежелательными последствиями для адресата. Оценочная конструкция *Es ist besser* 'Будет лучше', содержащая аксиологическую модальность, в сочетании с лексемой *sonst* усиливает настоятельность побуждения, а оба языковых средства являют пример гармоничного взаимодействия. Логическая структура угрозы выглядит в данном случае следующим образом: указание на положительный аспект выполнения побуждения, выражение директивного компонента и экспликация негативных последствий в случае неподчинения.

Придаточные дополнительные предложения с *dass* фиксировались в выборке преимущественно в оптативных конструкциях с модальными глаголами *wollen* и *mögen*, например:

Ich möchte, dass Sie hart trainieren werden, oder ich könnte mir das mit der Bestrafung noch einmal überlegen. [Remin, S. 67] 'Я хотела бы, чтобы вы усердно тренировались, или я могла бы передумать относительно наказания.'

Структура с модальным глаголом *mögen* в сослагательном наклонении является средством выражения оптативной модальности желания, которое является основой для формирования директивного потенциала высказывания. Во второй части предложения используется модальный глагол *können* в сослагательном наклонении, обычно употребляемый в косвенных просьбах, а значение угрозы формируется за счет лексических компонентов. Сослагательное наклонение глагола *können* во второй части фразы контрастирует с семантикой высказывания, так как говорящий высказывается относительно возможного наказания. Вежливость является стилистическим средством создания контраста, «мягким» рычагом давления на собеседника. Семантика модальных глаголов включается в общую семантику фразы, вносит дополнительные значения желательности, возможности совершения действия.

Вопросительные структуры, которые составляют 22 % выборки, являются средством выражения сильной эмоциональности. Для реализации угрозы используются общие (58 % примеров), удостоверительные (34 %) и риторические (8 %) вопросы.

Предложения с общими вопросами в выборке содержат модальные глаголы, которые утрачивают свое основное лексическое значение, например:

“*Möchtest du ins Krankenhaus?*” sagte ich drohend. [Remaraue, S. 109]
‘«Ты хочешь попасть в больницу?» – сказал я с угрозой.’

Семантика желания уступает здесь место апеллятивному аспекту, модальный глагол побуждает адресата к реакции. Правильной интерпретации высказывания помогает авторская ремарка, показывающая характер произнесения фразы.

Удостоверительные вопросы с семантикой угрозы являются специфической синтаксической структурой, содержащей и повествование, и вопрос, например:

Katzinsky wurde ärgerlich. „*Du musst wohl mal abgelöst werden, was? Du hast nicht für achzig Mann, sondern für die zweite Kompanie Furage empfangen. Die gibst du aus! Die zweite Kompanie sind wir.*“ [Remarque, S. 10] ‘Качинский разозлился. «Тебя, похоже, надо заменить, да? Ты получил паек не для восьмидесяти человек, а для второй роты. Ты сейчас все выдашь! Мы – вторая рота».’

Удостоверительные вопросы могут иметь директивный посыл, если логическим следствием первой части высказывания является предлагаемое действие. Такие структуры лишь формально являются вопросительными, чаще всего они используются как инструмент реализации различной семантики.

Довольно эффективным средством выражения угрозы могут быть риторические вопросы, например:

„Ich halte es nicht mehr aus. Ich werde ihm die Wahrheit sagen.“ „*Wozu sollen wir riskieren, dass er uns umbringt?*“ [Kleinst, S. 65] ‘«Я этого больше не выдержу. Я скажу ему правду». «Зачем рисковать, он ведь может нас убить?»’

Риторический вопрос является особой структурой в языке, он не требует ответа адресата. Говорящий выражает отношение к определенной ситуации с сильной эмоциональной составляющей, побуждая партнера по коммуникации задуматься. Логическим следствием риторического вопроса нередко является требование, в данном же случае – указание на потенциальную угрозу и побуждение не говорить правду.

Анализ взаимодействия языковых средств в вопросительных структурах показывает, что вопросительность смягчает побуждение, контрастируя с семантикой лексических единиц, выражающих угрозу. Содержательное наполнение отдельных структур, прежде всего риторических вопросов, вносит в побудительную «палитру» высказывания дополнительные оттенки значения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для реализации угрозы в немецком языке существует достаточно большое количество языковых форм, многие из которых являются конвенциональными. При выражении данного речевого акта языковые единицы вступают в различные отношения. Среди повествовательных структур чаще всего используются придаточные условия и конструкции с *sonst*, в которых наблюдаются гармоничные отношения языковых средств. Семантика лексических единиц таких высказываний усиливает настоятельность синтаксической структуры. В придаточных дополнительных фиксируется контрастивное взаимодействие семантики модальных

глаголов, преимущественно в сослагательном наклонении, и лексической семантики языковых единиц, эксплицирующих возможные негативные последствия. Сослагательное наклонение используется также в описательных конструкциях и в высказываниях с формой кондиционалис. За счет контраста между вежливой формой данных структур и интенцией речевого акта реализуется директивный потенциал высказывания. Вопросительные структуры с семантикой угрозы представляют собой средство апелляции к собеседнику, заставляют его задуматься и побуждают к реакции. В высказываниях, оформленных как общие вопросы, семантика модальных глаголов нейтрализуется, уступая место значению угрозы. В удостоверительных вопросах наблюдается сочетание повествования и вопроса. Риторические вопросы можно рассматривать как средство экспрессии, проявления сильных эмоций с выраженным побудительным подтекстом. Ведущим типом отношений в вопросительных конструкциях также является контрастивное взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170–194.
2. Ермакова О. М. Условия реализации речевого акта угрозы и средства его оформления // Вестн. МДПУ им. И. П. Шамякина. Филологические науки. 2010. С. 94–98.
3. Хангерова А. Б., Джамаева И. Р. Угроза как вид речевого акта в английском языке // Заметки ученого. Дагест. гос. ун-т нар. хоз. 2021. № 5. С. 46–50.
4. Габдрахманова Е. В. Речевые акты угрозы в обиходной коммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Сост: Л. М. Гончарова [и др.]. М., 2020. Ч. 2. С. 19–24.